

МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ
БРЭДДОН

ТАЙНА
ЛЕДИ ОДЛИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 89

Mary Elizabeth Braddon
LADY AUDLEY'S SECRET

Перевод с английского Евгения Фельдмана

Серийное оформление и оформление обложки
Владимира Гусакова

Брэддон М. Э.

Б 89 Тайна леди Одли : роман / Мэри Элизабет Брэддон ; пер. с англ. Е. Фельдмана. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 448 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-29797-5

Молодой адвокат Роберт Одли, сибарит, предпочитающий судебной практике канареек и собак, впервые встречается с чужим несчастьем: старый знакомый Роберта, золотоискатель Джордж Толбойз, овдовел. Чтобы отвлечь Толбойза от печальных мыслей, Роберт приглашает его в гости к своему дядюшке в старинную усадьбу — лучшее место на свете. Общение с благородным и великодушным сэром Одли и его молодой женой леди Одли, самой доброй женщиной во всем Соединенном Королевстве, непременно поможет несчастному Джорджу перенести утрату и вернуться к жизни. Но накануне встречи с миледи Толбойз бесследно исчезает — и Роберт начинает расследование.

«Тайна леди Одли» (1862) — самая известная книга британской писательницы Мэри Элизабет Брэддон (1837–1915), образец викторианского «сенсационного романа» — детектива с элементами великосветской повести.

**УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44**

ISBN 978-5-389-29797-5

© Е. Д. Фельдман, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

*Посвящается
достопочтенному сэру
Эдварду Бульвер-Литтону,
баронету, члену парламента,
доктору гражданского права
и проч. и проч. и проч.,
с благодарной признательностью
за уроки литературного мастерства,
которые он столь щедро преподал
автору этой книги*

ГЛАВА 1

Люси Грэхем становится леди Одли

Место, где произошла эта история, находится в лощине, что славится роскошными пастбищами и многолетним строевым лесом. Направляясь туда, вы должны будете пройти по липовой аллее, по обеим сторонам которой раскинулись деревенские луга, а когда подойдете ближе, местные быки и коровы непременно устрелят на вас пытливые взоры из-за высоких оград, словно спрашивая, что вам нужно — ведь здесь «проход воспрещен», и если ваш путь лежит не в Одли-Корт, то вам тут делать нечего.

В конце аллеи возвышается древняя башня с аркой и часами — диковинными часами, способными сбить с толку кого угодно: на их циферблате — одна-единственная стрелка, которая указывает лишь часы, не размениваясь на секунды и минуты, и преодолевает каждую двенадцатую часть окружности одним могучим рывком.

Пройдя под сводами арки, вы сразу же попадаете в сады поместья Одли-Корт.

Перед вами выкошенная лужайка; там и сям кусты рододендронов — они необыкновенно хороши, других таких не найти во всем графстве. Справа — огороды, пруд для разведения рыбы, фруктовый сад,

окруженный рвом без воды и полуразрушенной стеной, на которой красуются плющ, желтая заячья капуста и темный мох; слева — широкая дорога, покрытая гравием, по которой много лет назад, когда здесь располагался женский монастырь, прогуливались, взявшись за руки, смиренные монашки. По одну сторону стены крепятся шпалеры для растений, другая прячется в тени почтенных дубов, оживляющих своими очертаниями плоский ландшафт и окружающих дом и огороды сумрачной завесой.

Дом выходит фасадом на арку. Он стар и построен безо всякого плана. Все окна разные: какие побольше, какие поменьше; одни сочетают в себе массивные каменные рамы с ярко окрашенными стеклами; другие прикрыты хрупкими решетками, стучащими при малейшем дуновении ветра; третьи же выглядят так современно, словно появились тут только вчера.

На крыше тянется вверх великое множество дымовых труб. От возраста и долгих лет службы им давно бы уже пора надломиться и рухнуть вниз, и кажется, что только вездесущий плющ, добравшийся до крыши, удерживает их в крепких зеленых объятиях и не дает свалиться на головы обитателей дома.

Парадная дверь втиснулась в башню — втиснулась как-то боком, под углом, словно прячась от непрошенных гостей. При всем том это весьма благородная дверь, ибо сделана она из старинного дуба и укреплена громадными железными гвоздями с квадратными шляпками. Дверь такая толстая, что на удар крепкого деревянного молоточка откликается лишь невразумительным глухим звуком, и тот, кто бывал здесь не однажды и знает это, не теряет времени понапрасну, а сразу же прибегает к помощи

колокольчика, отыскав его в зарослях плюща: никакой иной звук не может пробиться сквозь эту твердыню.

Славное место, старинное место! Попадая сюда, не испытываешь ничего, кроме восторга и томительного желания, распроставшись с прежней жизнью, поселиться здесь навсегда и, глядя на прохладные пруды, считать пузыри, когда плотвички и карпы поднимаются к поверхности воды. Кажется, здесь обосновался сам Покой, возложивший свои ласковые руки на каждое дерево, на каждый здешний цветок, на тихие пруды и безмятежные аллеи, на тенистые углы старомодных комнат, где близ окон за цветными стеклами стоят глубокие диваны, даже на колодец со стоячей водой, затерявшийся в кустарнике за огородами, праздный ворот которого давно уже никто не трогал, веревка прогнила, а ведро упало на дно зловонного сруба, обрета там свое последнее пристанище.

Благородное место, благородный дом, в котором вы рискуете заблудиться, опрометчиво решив побродить по нему в одиночку. Дом, где всякая комната в разладе со всеми остальными, где любое помещение внезапно переходит в другое, внутреннее, и через него выводит на узкую лестницу, приглашающую к дверям, которые, в свою очередь, возвращают вас туда, откуда вы начали свой обход. Дом, до какого не додумался бы ни один архитектор из всех, что жили на грешной земле; дом, который сработал старый добрый строитель — Время, что в каком-нибудь году пристраивало новый флигелек и уже в следующем году сводило на нет старый; рушило камин — ровесник Плантагенетов и возводило на его руинах другой, в стиле Тюдоров; разрушало стену, помнив-

шую времена саксонского владычества, но щадило арку, возведенную во времена норманнов; оставляло пустые провалы от узких высоких окон времен королевы Анны и пристраивало к трапезной, возведенной при Вильгельме Завоевателе, столовую в стиле ганноверца Георга I и за одиннадцать столетий соорудило такое жилище, с которым, общи хоть весь Эссекс, невозможно было сравнить ни одно здание графства.

Конечно же, в этом доме были и потайные помещения, и дочь нынешнего его владельца, сэра Майкла Одли, как-то в детстве случайно нашла здесь секретную каморку. Девочка играла в детской, и вдруг половицы подозрительно затрещали у нее под ногами, и она обнаружила, что в углу комнаты несколько досок не закреплено. Она отодвинула их и увидела лестницу, ведущую в крохотное помещение между полом детской и потолком комнаты, что была прямо под ней. Пиратских сокровищ девочка не нашла: в каморке стоял дубовый сундук, а в нем лежало полное облачение католического священника, припрятанное здесь в те ужасные времена, когда принадлежность к этой профессии каралась смертной казнью.

За широким внешним рвом, заросшим травой, во всю длину сада раскинулся пруд для выращивания рыбы. Липовая аллея, примыкающая к пруду, была так плотно прикрыта со всех сторон кронами деревьев, что казалось, будто сама Природа устроила тут место для тайных свиданий. И хотя отсюда до дома было всего два десятка шагов, здесь с равным успехом и равной безопасностью можно было готовить государственный заговор и плести любовную интригу.

Старый колодец находится как раз в конце аллеи. В свое время, надо полагать, он хорошо потрудился, и хлопотливые монашки не раз извлекали из его недр студеную воду, чтобы омыть в ней свои прекрасные руки. Но сейчас он заброшен, и едва ли кто в Одли-Корт помнит, жив ручей, питающий его, или давно высох.

Нынешние хозяева не усмотрели в колодце ничего романтического. Часто по вечерам сэр Майкл Одли, дымя сигарой, выходил в аллею. Собака вертелась у него под ногами, и прелестная молодая жена шла рядом с ним, держа его под руку, но проходило каких-нибудь десять минут, и окружающая обстановка начинала утомлять супругов, и они возвращались домой, в гостиную с белыми стенами, где миледи принималась играть мечтательные мелодии Бетховена и Мендельсона и играла до тех пор, пока ее супруг не засыпал в своем кресле.

Три месяца назад, когда сэр Майкл Одли женился вторым браком, ему исполнилось пятьдесят шесть лет. Он был высоким, крупным и крепким мужчиной, с глубоким звучным голосом, выразительными черными глазами и седой бородой, выдававшей возраст своего владельца. Последнее чрезвычайно огорчало сэра Майкла, потому что он все еще был непоседлив, как мальчишка, и по-прежнему считался лучшим наездником графства.

Он вдовел целых семнадцать лет, и все эти годы его единственное дитя, его дочь, Алисия Одли, безраздельно царила в доме. Она хранила у себя все ключи, держа их в карманах шелковых передников, теряла их в кустах и роняла в пруд, причиняя немало хлопот домочадцам, и свято веровала в то, что именно на ней держится весь дом.

Но вот появилась молодая мачеха, и от власти мисс Алисии не осталось и следа. О чем бы она ни просила экономку, та неизменно отвечала ей, что должна передать просьбу миледи, должна спросить у миледи, разрешит ли миледи сделать то-то и то-то, причем не как-нибудь, но именно так-то и так-то. С той поры дочь баронета, прекрасная наездница и приличная рисовальщица, большую часть времени начала проводить вне дома, гарцуя по зеленым лугам и покрывая листы своего альбома рожицами деревенских мальчишек, изображениями коров, быков и всякой другой живности, попадавшейся ей на пути. Она раз и навсегда усвоила в отношениях с мачехой мрачный тон, и, как ни старалась миледи победить предвзятость Алисии и убедить ее в том, что, выйдя замуж за сэра Майкла Одли, она не нанесла смертельной обиды его дочери, избалованная девочка стояла на своем и сблизиться с нею не было никакой возможности.

Правда состояла в том, что, выйдя замуж за сэра Майкла, леди Одли заключила с ним один из тех блистательных союзов, которые просто созданы для того, чтобы стать предметом зависти и ненависти особ, принадлежащих к тому же полу, что и она сама.

Некоторое время тому назад она поселилась тут по соседству, став гувернанткой в семье военного врача, проживавшего в деревне неподалеку от Одли-Корт. Никто не знал о ней ничего, кроме того, что она откликнулась на объявление мистера Доусона, врача, помещенное им в «Таймс».

Приехала она из Лондона. Единственный документ, бывший при ней, удостоверял, что она работала учительницей в Бромптоне, но этой бумаги оказа-

лось вполне достаточно, и врач с удовольствием принял девушку у себя в доме, сделав ее наставницей своих дочерей.

Таланты гувернантки оказались столь блистательными и разнообразными, что оставалось лишь удивляться тому, что она согласилась на предложение, сулившее ей весьма скромные условия. Мисс Грэхем совершенно удовлетворяло ее положение. Она разучивала с девочками сонаты Бетховена, писала акварелью с натуры и по воскресеньям трижды ходила из скучной отдаленной деревни в скромную церквушку — ходила с таким умиротворенным видом, словно не существовало для нее высшего блага, кроме того, чтобы прожить здесь до конца дней.

Местные жители, понаблюдав за ней со стороны, решили эту загадку по-своему. Девушка с таким добрым и легким сердцем, сказали они себе, чувствует себя хорошо в любых обстоятельствах.

Где бы она ни появлялась, она несла с собой радость и свет. Когда она входила в бедную хижину, казалось, что под нищенскую кровлю заглядывал яркий солнечный луч. Побыв с четверть часа в обществе какой-нибудь старухи, она выказывала в отношении беззубой собеседницы такое восхищение, словно познакомилась по меньшей мере с маркизой. Когда она уходила, не дав ничего (ее скромное жалование лишало ее возможности оказывать благотворительность), старая женщина посылала вслед такие похвалы ее грации и душевным качествам, каких не удостаивала и жену викария, помогавшую ей пищей и одеждой. И немудрено: мисс Люси Грэхем обладала магической властью, которая позволяет женщине очаровывать словом и опьянять улыбкой.

Все вокруг любили ее, восхищались ею, превозносили ее до небес. Мальчишка, открыв ей ворота, вприпрыжку бежал домой, спеша поведать матушке, каким необыкновенным взглядом одарила его эта удивительная девушка и каким ангельским голосом поблагодарила его за маленькую услугу. Церковный служка, провожавший ее до скамьи, где сидело семейство доктора; викарий, видевший ее нежные голубые глаза, устремленные на него, когда он читал свою скромную молитву; носильщик с железнодорожной станции, доставлявший ей время от времени письмо или пакет, не ожидая вознаграждения; ее наниматель; его гости; ее ученицы; слуги — все сошлись на том, что Люси Грэхем — самая замечательная девушка из всех когда-либо живших на земле.

Должно быть, этот восторженный гимн проник-таки в тихие комнаты Одли-Корт или было наконец замечено изумительное лицо девушки, — так или иначе, но в один прекрасный день сэр Майкл Одли почувствовал вдруг неодолимое желание поближе познакомиться с гувернанткой мистера Доусона.

Он устроил у себя небольшой прием, пригласив девушку, а также доктора с супругой и викария с супругой. Разумеется, его дочь также составила им компанию.

В тот тихий вечер решилаась участь сэра Майкла. Он не смог противостоять этим голубым глазам, этой лебединой шее, этой божественной головке, этому глубокому голосу, преисполненному музыки; он не смог противостоять собственной судьбе.

Судьба! Да, это была судьба! Нет, никогда он прежде не любил. Брак с матерью Алисии? То была всего лишь сделка, скучная сделка, призванная по-

править положение его обедневшего семейства. Может быть, он и испытывал нежные чувства к своей первой супруге, но эту слабую — слишком слабую! — искорку никакие силы не смогли бы раздуть до яркого пламени.

И вот пришла любовь, с ее лихорадкой, томлением, тревогой, сомнениями и беспокойством, с мучительным и жарким страхом, что его, сэра Майкла, возраст может стать неодолимой преградой на пути к счастью. И он с новой силой возненавидел свою седую бороду и почувствовал неистовое желание снова стать молодым, чтобы волосы его снова были черными, как вороново крыло, а талия — тонкой и гибкой, как двадцать лет назад.

Потекли бессонные ночи и меланхолические дни, и только любимое лицо, случайно мелькнувшее за занавесью окна, разом преображало безрадостную действительность. Все эти многочисленные признаки говорили об одном и том же, и то, о чем они говорили, было правдой: в том возрасте, который сам по себе является символом благоразумия и трезвости мыслей, в возрасте пятидесяти пяти лет сэра Майкла Одли поразил ужасный недуг, именуемый любовью.

Не думаю, что, ухаживая за девушкой, он рассчитывал на то, что его богатство и положение в обществе смогут сыграть решающую роль на пути к успеху. Если подобные мысли и приходили ему на ум, он гнал их от себя, содрогаясь от отвращения. Мысли эти приносили ему огромные страдания. У него просто не укладывалось в голове, что такую прелесть и такую невинность можно отдать, прельстившись домом и титулом. О нет! Он надеялся, что, поскольку в жизни девушки не было и нет ничего, кроме

труда и зависимости, и поскольку она еще очень молода (никто точно не знал, сколько ей лет, но на вид было чуть более двадцати), она еще ни к кому не испытала чувства привязанности, и он, первый в ее жизни мужчина, ухаживающий за ней, окружая ее нежной заботой и щедрым вниманием, мог напомнить ей отца, которого, по-видимому, уже нет в живых, и тем завоевать ее молодое сердце.

Что касается Люси Грэхем, то в ее поведении не было и тени пошлой искусственности, заметной в манерах женщины, когда она стремится завоевать богача. Люси Грэхем так привыкла к всеобщему восхищению, что ухаживания сэра Майкла не произвели на нее особого впечатления. (Кстати сказать, сэр Майкл вдовел так долго, что все, кто его знал, уже и не чаяли увидеть его под венцом во второй раз.) Как бы там ни было, миссис Доусон решилась поговорить с гувернанткой на этот счет.

Они сидели в комнате для школьных занятий. У супруги врача было в руках вышивание, а Люси подправляла кисточкой акварельные наброски своих учениц.

— Знаете, дорогая мисс Грэхем, — промолвила миссис Доусон, — по-моему, вы просто обязаны считать себя редкой счастливицей.

Гувернантка, оторвавшись от работы, взглянула на хозяйку с явным удивлением.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, погружая кисточку в аквамарин.

— Я имею в виду, дорогая, что вам ничего не стоит стать леди Одли и хозяйкой Одли-Корт.

Люси Грэхем взмахнула кисточкой и, сделав легкий мазок, побледнела, что не ускользнуло от внимания миссис Доусон.

— Да не волнуйтесь вы, милочка, — промолвила та, — никто не заставит вас выйти замуж за сэра Майкла, если вы сами этого не захотите. Однако, скажу я вам, это был бы замечательный союз. У сэра Майкла солидные доходы, и он самый щедрый мужчина из всех, кого я знаю. Он возвысит вас до себя, и вы сможете сделать для ближних много доброго. Но руководствоваться при этом, подчеркиваю, вы должны только собственным чувством. И еще: если внимание сэра Майкла вам неприятно, лучше объясниться с ним сразу и не поощрять его дальнейшие ухаживания.

— Его внимание... Поощрять дальнейшие ухаживания... — пробормотала Люси. — О чем вы говорите, миссис Доусон? Да у меня и в мыслях ничего подобного не было! Хотя в последнее время я кое-что начала замечать...

Здесь она умолкла, облокотилась о стол, обхватила голову руками и глубоко задумалась. На шее у нее всегда была узкая черная ленточка то ли с медальоном, то ли с крестиком; а может быть, то была миниатюра, — во всяком случае, эту безделушку она постоянно носила под платьем, и сейчас, нервно коснувшись пальчиками того, что было спрятано у нее на груди, сказала:

— Думаю, некоторые люди просто рождены, чтобы быть несчастными, миссис Доусон. Стать леди Одли! Для такой, как я, это было бы чересчур большой удачей.

— Это вы-то несчастная! — изумилась миссис Доусон. — Вы первая, от кого я слышу подобное. Вы такая яркая, такая... Честное слово, не знаю, что мы станем делать, когда сэр Майкл похитит вас.

После этого разговора они не однажды возвращались к этой теме. Люси не выказывала никаких чувств, когда речь заходила о восхищении баронета, и в семействе врача молчаливо решили, что, когда бы сэр Майкл ни сделал свое предложение, гувернантка, само собой разумеется, примет его: для девушки без состояния упустить такой шанс было бы чистым безумием.

Однажды туманным июньским вечером сэр Майкл, сидя рядом с Люси Грэхем у окна в маленькой гостиной врача, воспользовался тем, что хозяйева, сославшись на какую-то случайную причину, разом поднялись и тактично оставили их одних, и заговорил о том, что давно лежало на его сердце. Он промолвил несколько торжественных слов и попросил у гувернантки ее руки.

— Но если вы не любите меня, — добавил он, — лучше разбейте мне сердце, но откажите. Нет большего греха, чем идти замуж без любви. И если путь к моему счастью лежит через такой грех — ваш грех, Люси, — то не нужно мне такого счастья.

Люси Грэхем сидела, не глядя на сэра Майкла. Лицо ее было обращено вдаль, к туманному закату, и сэр Майкл, видя только профиль, не мог уловить выражения ее глаз. Если бы это ему удалось, он увидел бы тоскливый взгляд, устремленный не к горизонту, а гораздо дальше, в бесконечную неизвестность, в иной мир.

— Люси, вы слышите меня?

— Да, — печально отозвалась она. Впрочем, в ее тоне не было холода и не чувствовалось, что слова сэра Майкла как-то обидели ее.

— Итак, ваш ответ?

Несколько мгновений она сидела молча, наблюдая, как деревня погружается во тьму. Внезапно она с неожиданной страстью повернулась к сэру Майклу, и лицо ее засветилось той новой и чудесной прелестью, какую баронет увидел даже в нарастающей мгле.

Мисс Грэхем упала перед ним на колени.

— Нет, Люси, нет, нет! — горячо запротестовал он. — Не здесь! Пожалуйста, только не здесь!

— Нет, здесь, здесь, — промолвила она все с той же необычной страстью, и слова ее прозвучали негромко, но со сверхъестественной отчетливостью, — здесь, и только здесь! Какой вы добрый! Будь на моем месте другая, в сто раз лучше меня, она бы полюбила вас от всей души. Но вы ждете от меня слишком многого, слишком многого. Подумайте, какая у меня была жизнь, — только подумайте. С самого детства я не видела ничего, кроме бедности. Отец мой был джентльменом — умным, образованным, великодушным, красивым, но — бедным. Матушка моя... Впрочем, позвольте мне о ней умолчать. Бедность, злключения, мытарства, потери, унижения... Нет, при вашей спокойной и обеспеченной жизни вам меня не понять, не прочувствовать всего, что испытала я. И потому я говорю: вы ждете от меня слишком многого. Поймите: я не могу быть бескорыстной, я не настолько слепа, чтобы не видеть благ, что сулит мне такой союз. Нет, не могу! Не могу!

В этом возбуждении, в этой страстной горячности было нечто такое, чему трудно было дать точное определение и от чего баронет почувствовал смутную тревогу.

Между тем Люси по-прежнему была у него в ногах, и в эти мгновения она не просто стояла на ко-

лениях — она раболепствовала перед ним! Ее тонкое белое платье разметалось по полу; волосы упали бледной волной на плечи; большие голубые глаза поблескивали в сумерках. Она сжимала черную ленточку, свисавшую с ее шеи, сжимала так, словно эта ленточка душила ее.

— Вы ждете от меня слишком многого, — повторила она. — Я себялюбива с самого детства.

— Люси, Люси, скажите прямо: я вам не нравлюсь?

— Не нравитесь? Вы? Ах, нет, нет!

— Может, вы любите кого-то другого?

Она громко засмеялась:

— Я никого не люблю. Никого в целом мире.

Он был счастлив, услышав такой ответ, но ее странный смех был ему неприятен. Чуть помолчав, он с заметным усилием промолвил:

— Что ж, Люси, я не буду ждать от вас слишком многого. Я знаю, что я — старый болван с романтическими вывертами, но, если я не вызываю в вас отвращения и неприязни и если вы никого не любите, не вижу причин, почему бы нам не стать счастливой парой. Итак, по рукам, Люси?

— Да. Я согласна.

И он поднял ее и поцеловал в лоб и затем, тихим голосом пожелав ей доброй ночи, вышел из дома, не задержавшись ни на минуту.

Он вышел немедленно, этот глупый стареющий джентльмен, потому что сердце у него билось часто-часто. Нет, он не чувствовал ни радости, ни торжества — он чувствовал нечто похожее на разочарование, и неудовлетворенное желание саднило и раздражало его. Слова Люси убили в нем надежду. Как

и всякий мужчина его возраста, он знал теперь совершенно определенно, что ему уступили, рассчитывая на его состояние и положение в обществе.

Тем временем Люси Грэхем медленно поднялась по лестнице и вошла в свою комнатушку. Поставив тусклую свечу на ящик с рисовальными принадлежностями, она присела на край кровати.

— Вот и всё, — сказала она. — Конец моей зависимости, конец тяжелой, нудной работе, конец унижениям. Все, что было в моей прошлой жизни, исчезло. Все, что может рассказать, кто я такая и откуда, похоронено и забыто. Всё, кроме этого, кроме вот этого.

Она сняла черную ленточку и взглянула на то, что было на ней: не медальон, не миниатюра и не крестик — это было кольцо, завернутое в продолговатый клочок бумаги, покрытый печатными и письменными буквами, пожелтевший от времени и измятый многочисленными сгибами.

ГЛАВА 2

Джордж Толбойз возвращается на родину

Он бросил в воду недокуренную сигару и, облокотившись о фальшборт, задумчиво взглянул на волны.

— Голубая, зеленая, опаловая, — сказал он. — Опаловая, голубая, зеленая... Скука смертная! Все бы ничего, но три месяца такой жизни — это слишком долго, особенно когда...

Он оборвал фразу. Похоже, на самой ее середине ему пришла в голову мысль, которая унесла его за тысячу миль отсюда.

— Бедная девочка, то-то она обрадуется! — пробормотал он, открывая ящик для сигар и с отсутствующим видом рассматривая его содержимое. — То-то обрадуется, то-то удивится! Бедная девочка! Ведь прошло три с половиной года. То-то удивится!

Это был молодой человек лет двадцати пяти. Смуглое лицо, бронзовое от загара, красивые карие глаза, в которых играла женственная улыбка, искрившаяся из-под черных ресниц, густая борода и усы, закрывавшие всю нижнюю часть лица. Он был высок, атлетического телосложения, в просторном сером пиджаке и фетровой шляпе, беззаботно нахлобученной на копну черных волос. Звали его Джордж Толбойз, и был он пассажиром из кормовой каюты «Аргуса», доброго судна, следовавшего на всех парусах из Сиднея в Ливерпуль с грузом австралийской шерсти.

Вместе с ним кормовую каюту занимали еще несколько пассажиров первого класса. Пожилой торговец шерстью, сколотивший состояние в колонии, возвращался на родину с женой и дочерьми; тридцатипятилетняя гувернантка ехала домой, чтобы выйти замуж за того, с кем была помолвлена уже целых пятнадцать лет; сентиментальная дочь богатого австралийского виноторговца направлялась в Англию, чтобы завершить образование.

Джордж Толбойз был на судне первым заводилой и душой компании. Никто не знал, кто он, чем занимается и откуда следует, но нравился он всем и каждому. Толбойз сидел во главе обеденного стола рядом с капитаном, помогая ему воздавать должное искусству судового повара. Он открывал бутылки с шампанским и пил со всеми, кто подворачивался

МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ БРЭДДОН
ТАЙНА ЛЕДИ ОДЛИ

Ответственный редактор Валерия Андоскина
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Попова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.07.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-NAM-38931-01-R